

ной Украине, даже на территории Белоруссии. В эти годы, - пишет В.Е. Шутой, - усиливается значение Запорожской Сечи, т. к. сюда «вопреки запретам и репрессиям польского правительства, стекались разорённые крестьяне» (4). Именно скопление здесь массы недовольных беглых людей, - считает историк, - сделало Сечь центром освободительной борьбы.

Широко распространенной формой протеста казаков и крестьян было и переселение в пределы Русского государства. Такое сближение народных масс, безусловно, сыграло положительную роль в освободительной войне 1648-1654 гг., когда украинский народ был поставлен перед исторической необходимостью отстаивать своё право на независимое существование, - заключает исследователь.

Поддержка московским правительством событий на Украине была обусловлена внешнеполитическим курсом России, возникновение которой историк относит к концу XV в. Именно тогда, - считает В.Е. Шутой, - московские великие князья начинают «воссоединение с Русским государством западнорусских, украинских и белорусских земель, захваченных Польшей и Литвой».

Особое внимание со стороны русского правительства уделялось, прежде всего, украинскому духовенству и монастырям, куда «посылались значительные суммы денег, меха, церковная утварь, богослужебные книги» (5).

Рассмотренные В.Е. Шутым крестьянско – казацкие восстания, особенно восстание 1637-1638 гг., занимают одно из важнейших мест в истории освободительной борьбы на Украине. Значение этих выступлений исследователь видел не только в их размахе и длительности, но и в том, что они составили важный этап в подготовке освободительной войны, когда была значительно ослаблена агрессивная Речь Посполитая.

1. Шутой В. Е. Канун освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. // Исторические записки. М., 1954. Т. 46. С. 243.

2. Там же. С. 245, 247, 250.

3. Там же. С. 252, 253, 268, 274.

4. Шутой В. Е. Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. С. 15

5. Там же. С. 14.

Воробьев С.В.

Коммунисты Екатеринбургской губернии в Гражданской войне: “свои” или “чужие”?

Большой интерес в плане реконструкции социального портрета коммунистов Среднего Урала начала 1920-х годов вызывает изучение их революционной деятельности. Революционный багаж позволяет судить об уровне социально-политической активности члена партии в прошлом и отношении к рухнувшей в ходе революционных событий 1917 г. политической системе, о его возможном опыте профессионального революцио-

нера, о вкладе в установление власти партии большевиков в России в целом и на Урале в частности.

К реальному революционному опыту, который наиболее ярко характеризует мировоззренческие позиции коммуниста, степень сознательности выбора им своего политического пути, можно отнести участие в боевых действиях в период Гражданской войны на стороне советской власти. По данным Всероссийской переписи членов РКП (б) 1922 г. более половины коммунистов Екатеринбургской губернии (55%) воевали в рядах Красной армии. Из них около трети прослужили в армии до 1 года, более четверти коммунистов - от 1 года до 2-х лет, более двух лет служили в рядах Красной армии свыше 40% партийцев. Большинство из них (более 70%) проходили службу в качестве рядовых, к командному составу принадлежало 12,4%. Политработниками в составе РККА являлись 12% членов партии. Таким образом, четверть коммунистов, служивших в армии принадлежала к командно-политическому составу. Многие из членов партии после возвращения с фронта заняли различные ответственные должности, принеся с собой командный, армейский стиль руководства в мирную гражданскую жизнь.

Результаты партийной переписи 1922 г. свидетельствуют о том, что часть губернских коммунистов во время Гражданской войны служила на стороне противника в белой армии. Таких среди членов губернской парт-организации оказалось 12%. Возможно, что их в действительности было больше, но они не стали упоминать об этом факте из своей биографии. Для этого имелись достаточно веские основания. Хотя в период проведения партийной переписи гражданская война в России подходила к концу, но еще не завершилась. Только в середине 1922 г. были закончены все важные военные операции, в том числе “направленные против повсеместно действовавших партизан и бандитов” (1). Гражданские войны всегда отличается особой жестокостью воюющих сторон по отношению друг к другу. “Гражданская война еще менее различает правых и неправых, чем война между государствами” (2). Поэтому, вполне допустимо сделать предположение о том, что определенное число членов партии, если была такая возможность, старались не афишировать свое участие в белом движении.

Большинство коммунистов, служивших в белой армии (главным образом у Колчака) - 82,8% - указывали на незначительные сроки своей службы - от 1 до 6 месяцев. Более длительное время в рядах белых пребывало 17,2% членов партии. В выборке не оказалось ни одного члена партии, который служил бы у белогвардейцев свыше двух лет. Сопоставление незначительного срока пребывания в рядах белогвардейцев большинства коммунистов с периодом службы - 32% членов партии служили у них в 1918 г. и 68% в 1919 г. - свидетельствует о том, что после освобождения Урала летом 1919 г. от колчаковских войск они не отошли вместе с отступавшими частями, а остались на этой территории. Косвенным образом

такое поведение показывает, что они скорее всего не являлись убежденными идейными противниками советской власти или стали заложниками ситуации и пребывали в рядах белой армии не по собственной воле. С одной стороны, это могли быть люди, не имевшие четких политических предпочтений, так как “каждая сторона ... имела очевидное ядро, вокруг которого напластовывались более широкие слои населения, нередко колебавшиеся, переходившие с одной стороны на другую...” (3). А после того, как окончательно определилась победившая сторона, они устремились в ее направлении. Не нужно также забывать о насильственных мобилизациях, которые проводили враждующие стороны с целью пополнения своих вооруженных сил. Такие мероприятия практиковали в период Гражданской войны, как большевики, так и белогвардейские правительства. Поэтому такие “невольники” при благоприятных обстоятельствах старались избавиться от военных обязанностей, говоря иными словами, дезертировали, и не хотели рисковать жизнью ради идей, которые они не понимали или не разделяли. Будущие члены РКП (б), служившие в рядах белой армии, также как члены партии, воевавшие на стороне Красной армии, в своей основной массе являлись рядовыми - 76%, остальные относились к сержантскому составу: младшие и старшие унтер-офицеры или занимали должности младшего офицерского состава (командир взвода, роты). В любом случае, факт службы в белой армии вполне понятный в контексте жизненных перипетий бурной послереволюционной эпохи плохо вязался с официальным образом коммуниста. Ситуация в определенной мере проясняется при анализе социального положения до 1917 г. тех членов РКП (б), кто служил рядах антибольшевистских сил до вступления в партию. По данным выборки большинство из них (60%) являлось до 1917 г. крестьянами, 30% относилось к числу “пролетариев” (рабочие и ремесленники), оставшиеся 10% пришлось на другие социальные группы. В 1922 г. почти половина этих коммунистов (48,3%) занимала должности руководителей в органах власти и управления, подавляющее число из них являлось руководителями низового уровня, крестьянами на момент переписи были более четверти (27,6%). Если учесть тот факт, что большая часть ответственных руководителей низшего уровня являлась выходцами из крестьянской среды, то можно сделать вывод о том, что служба в рядах белой армии была характерна в основном для членов партии, имевших крестьянское происхождение.

1. Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 252.

2. Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Там же. С.66.

3. Левин М. Указ. соч. С. 255.